

ВЛАДИМИР СОРОКИН
Сахарный
КРЕМЛЬ

Владимир Сорокин

Сахарный
Кремль

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир

С65 Сахарный Кремль / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-17-103443-6

Сахарный, белый Кремль — сердце России 2020-х, пережившей Красную, Серую и Белую смуты, закрывшейся от внешнего мира и погруженной в сон.

Этим сердцем понемножку владеют все, ведь и у скотницы, и у ээка, и у лилипута есть хотя бы осколок его рафинадной копии, но на самом деле оно никому не принадлежит. Пятнадцать новелл из сборника “Сахарный Кремль”, написанных как будто совсем по-разному и о разном, складываются в картину призрачной, обреченной реальности, размокающей, как сахарная башенка в чае.

Впервые сборник рассказов “Сахарный Кремль” вышел в 2008 году. Вместе с повестью “День опричника” был номинирован на премию “Большая книга”; в 2009 году получил приз зрительских симпатий премии “НОС”.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103443-6

- © Владимир Сорокин, 2008
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ©

ОГЛАВЛЕНИЕ

МАРФУШИНА РАДОСТЬ	11
КАЛИКИ	42
КОЧЕРГА	57
СОН	87
ХАРЧЕВАНИЕ	96
ПЕТРУШКА	123
КАБАК	140
ОЧЕРЕДЬ	157
ПИСЬМО	175
НА ЗАВОДЕ	192

КИНО	202
UNDERGROUND	218
ДОМ ТЕРПИМОСТИ	238
ХЛЮПИНО	253
ОПАЛА	269

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожи.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Но сколько произвола таится в этой тишине,
которая меня так влечет и завораживает!
сколько насилия! сколь обманчив этот покой!

Астольф де Кюстин.
Россия в 1839 году

· МАРФУШИНА РАДОСТЬ ·

Зимний луч солнечный сквозь окно заиндевелое пробился, Марфушеньке в нос попал. Открыла глаза Марфуша, чихнула. На самом интересном лучик солнечный разбудил: про заколдованный синий лес Марфуша опять сон видела да про мохнатых шустряков в том лесу. Подмигивали шустряки мохнатые из-за деревьев синих, высовывали языки огненные изо ртов своих горячих, выписывали языками теми на коре деревьев светящиеся иероглифы, да все самые древние-предревные, сложные-пресложные, неведомые и самим китайцам, такие иероглифы, что *тайны* великие и страшные открывают. Душа замирает от сна такого, а видеть его почему-то приятно очень.

Откинула Марфуша ногой одеяло, потянулась, увидала на стене живую картинку с Ильей Муромцем, на долгогривом Сивке-Бурке скачущим, и вспомнила — последнее воскресенье сегодня. Последнее воскресенье рождественской недели. Хорошо-то как! Рождество святое все еще не кончилось! В школу токмо завтра идти. Неделю отдыхала Марфушенька. Семь дней будильник *мягкий* в семь часов не булькал, бабушка за ноги не дергала, папа не ворчал, мама не торопила, ранец с умной машиной спину не тянул.

Встала Марфуша с кровати, зевнула, стукнула в перегородку деревянную:

— Ма-м!

Нет ответа.

— Ма-а-ам!

Заворочалась мама за перегородкой:

— Чего тебе?

— Ничего.

— А ничего — так и спи себе, егоза...

Но Марфушеньке спать уж не хочется. Глянула она на окно замерзшее, солнцем озаренное, и вспомнила сразу, *какое* воскресенье сегодня, запрыгала на месте, в ладоши хлопнула:

— Подарочек!

Напомнило солнышко, напомнили узоры морозные на стекле о *главном*:

— Подарочек!

Взвизгнула Марфуша от радости. И испугалась тут же:

— А час-то который?!

Выскочила в рубашечке ночной, с косой расплетенной-растрепанной за перегородку, на часы глянула: полдесятого всего-то! Перекрестилась на иконы:

— Слава тебе, Господи!

Подарочек-то токмо в шесть вечера будет. В шесть вечера, в последнее воскресенье Рождества!

— Да что ж тебе не спитя-то? — мама недовольно приподнялась на кровати.

Заворочался, засопел носом лежащий с мамою рядом отец, да не проснулся: вчера поздно пришел с площади Миусской, где торговал своими портсигарами деревянными, а ночью опять стучал стамеской, мастерил колыбельку для будущего братца Марфушиного. Зато бабка на печи сразу проснулась, закашляла, захрипела, сплюнула, бормоча:

— Пресвятая Богородица, прости нас и помилуй...

Увидела Марфушу, зашипела:

— Что ж ты, змея, отцу спать не даешь?

Закашлялся и дед в углу своем, за другой перегородкой. Марфуша в уборную скрылась — от баб-

ки подальше. А то еще в волосы вцепится. Бабка злая. А дедуля добрый, разговорчивый. Маманя серьезная, но хорошая. А папаня молчаливый да хмурый всегда. Вот и вся семья Марфушина.

Справила нужду Марфуша, умыла лицо, на себя в зеркало глядя. Нравится Марфуша себе самой: личико белое, без веснушек, волосы русые, ровные, гладкие, глаза серые, в маму, нос маленький, но не курносый, в папу, уши большие, дедушкины, а брови черные, бабушкины. В одиннадцать лет свои Марфуша умеет многое: учится на “хорошо”, с умной машиной на ты, по клавише печатает вслепую, по-китайски уже много слов знает, маме помогает, вышивает крестом и бисером, поет в церкви, молитвы легко учит наизусть, пельмени лепит, полы моет, стирает.

Вытянула из стакана свою щетку зубную в виде дракончика желто-красного, оживила, напоила зубным эликсиром, сунула в рот. Прыснул дракончик на язык *мятнымприятным*, набросился на зубы, заурчал. А Марфушенька тем временем расческу в волосы запустила. Занялась расческа *слоеная* работой своей привычной, поползла, жужжа, по русым волосам Марфушиным. Хороши волосы у Марфуши! Гладкие, длинные, шелковистые. Одно удовольствие расческе по таким полозить. Расчесала она их, вернулась к ма-

кушке и принялась косу заплетать. Марфушенька щетку-дракончика изо рта в руку выплюнула, промыла, в стакан поставила. Подмигнул ей дракончик-зубочист глазком огненным и застыл до следующего утра.

А уж на кухне бабушка неутомная зовёт-суетится:

— Марфа, ставь самовар!

— Щас, баб! — крикнула Марфуша ответно, расческу китайскую поторопила:

— Куай-и-дярр!¹

Заурчала расческа громче, замелькали *мягкие* зубья ее в волосах русых побыстрее. Выбрала Марфуша бантик оранжевый и пару вишенок, дождалась, пока расческа дело свое доделает, и через перегородки — на кухню.

По плечу Марфуше наполнить самовар полтораведерный: налила воды, бересту подожгла, кинула в жерло черное, а сверху — шишек сосновых, за которыми они целым классом в Серебряный Бор ездили. Три мешка шишек набрала Марфуша за неделю. Подмога это большая родителям. И Москве-матушке.

Затрещала береста, Марфуша поверх шишек пук щепы березовой сунула, патрубок вставила, да другой конец — в дырку в стене. Там, за сте-

1 *Куай-и-дярр!* — Быстрей! (кит.)

ною, — труба печная, общая, на весь их шестнадцатизэтажный дом. Загудел весело самовар, затрещали шишки.

А бабка уж тут как тут: едва молитву утреннюю прочла, сразу и печь топить принялась. Теперь уже все в Москве печи топят по уграм, готовят обед в печи русской, как Государь повелел. Большая это подмога России и великая экономия газа драгоценного. Любит Марфуша смотреть, как дрова в печи разгораются. Но сегодня — некогда. Сегодня день особый.

В свой уголок Марфуша отправилась, оделась, помолилась быстро, поклонилась живому портрету Государя на стене:

— Здравы будьте, Государь Василий Николаевич!

Улыбается ей Государь, глазами голубыми смотрит приветливо:

— Здравствуй, Марфа Борисовна.

Прикосновением руки правой Марфуша умную машину свою оживила:

— Здравствуй, умница!

Загорается голубой пузырь ответно, подмигивает:

— Здравствуй, Марфуша!

Стучит Марфуша по клавише, входит в интерда, срывает с Древа Учения листки школьных новостей:

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ МОЛЕБНЫ УЧАЩИХСЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ЛЕДЯНОЙ СКУЛЬПТУРЫ
КОНЯ ГОСУДАРЕВА БУДИМИРА.

ЛЫЖНЫЙ ЗАБЕГ С КИТАЙСКИМИ РОБОТАМИ.

КАТАНИЯ НА САНКАХ С ВОРОБЬЕВЫХ ГОР.
ПОЧИН УЧАЩИХСЯ 62-Й ШКОЛЫ.

Зашла Марфуша на последний листок: *Учащиеся церковно-приходской школы № 62 решили и в Светлый Праздник Рождества Христова продолжить патриотическое вспомоществование Большевскому кирпичному заводу по государственной программе “Великая Русская Стена”.*

Не успела в личные новостушки соскочить, а сзади дед табачным перегаром задышал:

— Доброе утро, попрыгунья! Чего новенького в мире?

— Школьники и в Рождество кирпичи лепят! — отвечает Марфуша.

— Во как! — качает дед головой, на пузырь святящийся смотрит. — Молодцы! Эдак Стену к Пасхе закончат!

А сам пальцем Марфушу в бок. Смеется Марфуша, подсмеивается дед в усы седые. Хороший дедушка у Марфуши. Добрый он и разговорчивый. Много, ох много повидал, много порассказывал внучке о России: и про смуту Красную, и про смуту Белую, и про смуту Серую. И про то, как Государев отец, Николай Платонович, Кремль побелить приказал, а мавзолей со смутьяном красным в одночасье снес, и про то, как жгли на площади Красной русские люди паспорта свои заграничные, и про Возрождение Руси, и про героических опричников, врагов внутренних давящих, и про прекрасных детей Государя и Государыни, про волшебные куклы их и про белого коня Будимира.

Щекочет дед Марфушу бородой своей:

— А ну, егоза, спроси свою умницу, сколько кирпичей в Стене не хватает?

Спрашивает Марфуша. Отвечает умница голосом послушным:

— Для завершения Великой Русской Стены осталось положить 62 876 543 кирпича.

Подмигивает дед нравоучительно:

— Вот, внученька, кабы каждый школьник по кирпичику слепил из глины отечественной, тогда бы Государь враз Стену закончил, и наступила бы в России счастливая жизнь.

Знает это Марфуша. Знает, что никак не завершат строительство Стены Великой, что мешают враги внешние и внутренние. Что много еще кирпичиков надобно слепить, чтобы счастье всеобщее пришло. Растет, растет Стена Великая, отгораживает Россию от врагов внешних. А внутренних — опричники Государевы на куски рвут. Ведь за Стеною Великой — киберпанки окаянные, которые газ наш незаконно сосут, католики лицемерные, протестанты бессовестные, буддисты безумные, мусульмане злобные и просто безбожники растленные, сатанисты, которые под музыку *проклятую* на площадях трясутся, наркомы отмороженные, содомиты ненасытные, которые друг другу в темноте попы буравят, оборотни зловещие, которые образ свой, Богом данный, меняют, и плутократы алчные, и виртуалы зловредные, и технотроны беспощадные, и садисты, и фашисты, и мегаонанисты. Про этих мегаонанистов Марфуше подружки рассказывали, что это европейские бесстыдники, которые в подвалах запираются, пьют огненные таблетки и письки себе теребят специальными теребильными машинками. Снились мегаонанисты Марфушеньке уже дважды, ловили ее в подвалах темных, лезли в писю железными крюками электрическими. Страшно...

— Марфа, сходи за хлебом!

Ну вот, придется на улицу идти. Неохота, конечно, с утра, да делать нечего. Натянула Марфуша кофту, накинула шубку свою старенькую, из которой уж выросла, сунула ноги в валенки серые, платок пуховый с печки стянула, на голову накинула.

А бабка ей рубль серебряный сует:

— Возьмешь белого ковригу да черного четвертинку. Сдачу не забудь.

— И мне папирос купи, внученька, — подкручивает усы дед.

— Весь дом и так прокурил... — ворчит бабка, платок на Марфушеньке завязывая.

А дед веселый бабку — пальцем в бок:

— Оки-доки, мы в Бангкоке!

Вздрагивает бабка, плюется:

— Штоб тебя... черт старый.

Обнимает ее дед веселый сзади за плечи художочные:

— Не шипи, Змея Тимофеевна! Ужо с пенсии я тебе насыплю.

— Ты насыпешь, Пылесос Иванович, жди! — отпихивает его бабка, но дед ловко целует ее в губы.

— Ах ты, волк рваной! — смеется бабка, обнимает его и целует ответно.

Марфуша за дверь выходит.

Лифт по праздникам не работает — не велено управой городской. Спускается Марфуша с девятого этажа пехом, vareжкой красной по стенам изрисованным шлепая. Грязновато на пролетах лестничных, мусор валяется, лежит говно кренделями подзасохшими, да это и понятно: дом-то земский, а на земских Государь уже шесть лет как обиду держит. Слава Богу, Малая Бронная от опричников откупилась, а то было б и с ней, как с Остоженкой да с Никитской. Помнит Марфуша, как Никитскую крамольную жгли. Дыму тогда на всю Москву было...

Вышла Марфуша из подъезда. На дворе снег лежит да солнышко на нем блестит. И дети уж вовсю играют: Сережка Бураков, Света Рогозина, Витька-Слоник, Томило, парень из тринадцатого дома и какие-то шерстяные оборванцы с Садового. Играют они уже все Рождество в одно и то же, в опричников и столбовых. “Столбовые” усадьбу построили из снега, засели в ней. “Опричники” их обступили: “Слово и Дело!” “Столбовые” откупаются сосульками. Как токмо сосульки кончаются — “опричники” на приступ усадьбу “столбовых” берут.

Вот и сейчас в усадьбу снежки полетели, зашвистали “опричники”, заулюлюкали:

— Гойда! Гойда!

Идет мимо битвы Марфушенька. В спину ей снежок попадает:

— Марфа, айда с нами лупиться!

Останавливается Марфуша. Подбегают к ней раскрасневшиеся Светка с Томилой:

— Куда прешь?

— Хлеба к завтраку купить надобно.

Шмыгает носом узкоглазый Томило:

— Слыхала, на Вспольном мальчишки по-матерному ругаются. На “х” и на “п”.

— Ничего себе! — качает головой Марфуша. — А кто донес?

— Сашка-голубятник. Он Сереге позвонил, а Серега — отцу своему. Тот сразу в околоток.

— Молодцы.

— Сыграй с нами один круг! Будешь княгиней Бобринской.

— Не могу. Родители ждут.

Пошла дальше Марфуша.

Из двора выйдя, направилась в лавку Хопроба. Красиво украшена лавка — у входа две елки наряженные стоят, окна все живыми снежинками переливаются, в углу витрины — Дед Мороз со Снегурочкой в саях ледяных едут. Входит Марфуша в лавку, звякает колокольчик медный. А в лавке уж очередь стоит, но небольшая, че-

ловек тридцать. Встала Марфуша за каким-то дедом в ватнике китайском, на витрину оставилась. А там, под стеклом, лежит все, чем торговать положено: мясо с косточками и без, утки и куры, колбаса вареная и копченая, молоко цельное и кислое, масло коровье и постное, конфеты “Мишка косолапый” и “Мишка на севере”. А еще водка ржаная и пшеничная, сигареты “Родина” и папиросы “Россия”, повидло сливовое и яблочное, пряники мятные и простые, сухари с изюмом и без, сахар-песок и кусковой, крупа пшеничная и гречневая, хлеб белый и черный. Да, придется ради хлеба и папирос дедушкиных всю очередь отстоять. Вдруг слышит Марфуша в очереди голосок знакомый:

— Полфунта кускового, ковригу черного, четвертинку “Ржаной” и повидла яблочного на гривенник.

Зинка Шмерлина из третьего подъезда. Марфуша сразу к ней:

— Зин, возьми хлеба да папирос.

Черноглазая и черноволосая Зинка нехотя рубль у Марфуши берет.

И сразу же очередь оживает:

— А ты чего, торопыха, постоять не можешь?

— Куда без очереди! Не отпускайте ей!

— Нам тоже токмо хлеба купить!

— Ишь, проныра!

Но за прилавком нынче сам Хопров стоит, а он детишек любит:

— Ладно вам собачиться! Не обижайте девку. Куда торопитесь? Все одно завтра на работу пойдете.

Широк хозяин лавки туловом, высок, окладист бороною рыжей, одет в косоворотку красную да в душегрейку овечью. Отпускает Хопров своими руками большими Марфуше папирос и хлеба, сдает сдачу, подмигивает маленьким, жиром заплывшим глазом:

— Лети, стрекоза!

Выходят Марфуша с Зиной из лавки. Зина из семьи небогатой, неблагополучной: отец у нее хоть и мастер по *теплым* роботам, а пьет горькую. А маманя вообще работать не желает. Поэтому и одета Зина бедно — валенки худые, ватник латаный, шапка хоть и песцовая, да старая, заношенная, по всему видать, от старшей сестры Тамары досталась.

— Ты на Красную с Тамарой пойдешь? — спрашивает Марфуша, пакет с хлебом поудобнее перехватывая.

— Не-а, — мотает головой Зина. — Тамарка-дура таперича в Коломне, едет оттудова ночным. Мы с Васькой пойдём.